

СПЕКУЛЯНТ

18+

«Шварцер – сказочник, собирающий свои сказки из обломков реальности».

Иван Охлобыстин

«Необыкновенно увлекательные истории о мошенниках, художниках, обманутых богачах и интеллигентных ментах: все это было!»

Михаил Веллер

ПОДЛИННЫЕ И ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ
ПРОДАВЦА АНТИКВАРИАТА

АРКАДИЙ ШВАРЦЕР

Аркадий Михайлович Шварцер Спекулянт. Подлинные и занимательные истории продавца антиквариата Серия «Городская проза»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64874767

*Спекулянт. Подлинные и занимательные истории продавца
антиквариата / Аркадий Шварцер: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-122514-8*

Аннотация

Сам автор назвал свою книгу «мозаикой». Действительно, здесь собран узор из различных историй и баек о жизни антикварных дилеров, которых в советское время называли спекулянтами.

Читатель познакомится с аферистами и мошенниками, ворами и бандитами, генералами милиции и министрами, артистами и художниками, а также простыми и добрыми людьми, с которыми повезло встретиться автору почти за пол века плавания в океане антикварного бизнеса.

Все эти истории объединяет увлекательность и простота изложения, ненавязчивая ирония и мягкая эмоциональность.

Эта книга откроет читателю причудливый и порою опасный мир торговли антиквариатом – один из многих параллельных «дивных новых миров», о существовании которых многие и не подозревают.

Аркадий Шварцер – человек незаурядной судьбы: спекулянт антиквариатом, народный художник России, эксперт-искусствовед, страстный библиофил.

«Необыкновенно увлекательные истории о мошенниках, художниках, обманутых богачах и интеллигентных ментах: все это было!»

Михаил Веллер

«Шварцер – сказочник, собирающий свои сказки из обломков реальности».

Иван Охлобыстин

Содержание

Предисловие	7
Автобиография	8
Вступление	10
Тест на читабельность	12
Гена Аверин	13
Реальная история похищения Джоконды	25
Часть 1	30
Глава 1	30
Евреи и кровь	30
Ленин и броневик	32
Лумумба и капризы провидения	34
Фима Гершгорин и Абдурахман	39
Авторханов	
Вековая бабушка	44
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Аркадий Шварцер

Спекулянт. Подлинные и занимательные истории продавца антиквариата

Издание печатается в авторской редакции.

© Текст. Аркадий Шварцер, 2021

© Оформление, ООО «Издательство АСТ», 2021

Если бы мне пришлось одной фразой охарактеризовать личность автора, то лучше «корпускулярно-волнового дуализма Луи де Бройля» и придумать нельзя. Это точно он. Его способность из частного извлечь общее просто чарует. Он сказочник, собирающий свои сказки из обломков реальности. При его удивительном интеллекте – такая элегантная скромность. При его эпическом опыте, такое нежное отношение к любому человеку. И его книга тому ярчайшее подтверждение. Аркадий Михайлович Шварцер не просто старый еврей, спекулянт антиквариатом. Аркадий Михайлович – лучший из них. Был, пока не вышел на следующий уровень своей личной реальности. Так сказать: вновь стал частицей.

Моей души – точно.

Иван Охлобыстин, писатель, актер, сценарист

Предисловие

Автор этой книги – человек незаурядной судьбы: народный художник России, эксперт-искусствовед, страстный библиофил. А еще – бизнесмен: в советское время таких называли спекулянтами. Обладая познаниями и обрастая связями, они выискивали редкие предметы искусства, картины и книги – и вот тогда начинались приключения! Перекупщики обманывали друг друга и покупателей, состояния делались мгновенно и мгновенно же прогорали на подделках, неприметные вещицы оказывались сокровищами, милиция охотилась за преступным бизнесом – а всякий бизнес в СССР был преступным.

В лихие девяностые прожить искусством было невозможно. Зато нувориши появлялись официально и сорили деньгами. То было время легенд и афер.

Вы узнаете, как «Джоконда» стала мировым шедевром и самой знаменитой картиной в мире – это произошло уже в XX веке (то была неправдоподобная кража!). Как сильными мира сего заказывались книги баснословной стоимости, шедевры не только полиграфического, но и ювелирного искусства – и существуют они в единственном экземпляре. И многое еще. Проживете еще одну жизнь в незнакомом и ярком мире, который знаком только избранным.

Михаил Веллер

Автобиография

Я родился в Филях, на окраине Москвы, в конце первой половины XX века. Отец был директором книжного магазина, а уйдя на пенсию – букинистом. Я вырос в книгах, а моей кроватью всегда были коробки с книгами, накрытые матрасом. Мать всю жизнь проработала врачом.

В юности я окончил художественную школу при ДК им. Горбунова в Филях. Затем Московский авиационно-технологический институт. После института довершил образование в аспирантуре при головном институте Госстандарта. Написал диссертацию. За это время стал автором многих изобретений и государственных стандартов.

Однако свободное время, которое дает учеба в аспирантуре, превратило меня в «асоциального» спекулянта антиквариатом, алчущего и жаждущего, как тогда говорили, «нетрудовых доходов», что не совсем верно.

Я познакомился и подружился с некоторыми трудящимися, которым стал собирать личные коллекции из антикварных предметов. Эти трудящиеся, как легко догадаться, стояли наверху социальной лестницы в СССР.

Моя специализация – русские букинистические и антикварные книги. Со временем стал также немного разбираться в русской живописи конца XIX – начала XX века.

Более трети века я являюсь членом Международной фе-

дерации художников. Иногда пишу портреты друзей.

После развала СССР я продолжал заниматься своей работой вполне легально и ожидаемо превратился из презренного «советского спекулянта» в уважаемого «российского дилера». Но замена терминов не меняет сути.

Несколько лет назад начал писать статьи на темы, в которых, льщу себя надеждой, стал практически разбираться. Медведя в цирке учат на велосипеде ездить, а уж человека за полвека можно научить чему угодно, особенно если он сам учится со рвением и удовольствием. Многие мои статьи опубликованы в различных журналах и на интернет-сайтах.

Вступление

Все истории, собранные в этой книге, – правдивы. Все быль – такое не придумаешь. Поэтому все совпадения не случайны.

Книга содержит две части.

В первой части – истории о разных людях и событиях. Поэтому получилась **МОЗАИКА**: различные по стилю, размеру и цвету рассказы. Я попытался расположить их в хронологическом порядке.

Во второй части – публикации, основанные на моей профессиональной деятельности. Кто рискует деньгами – тот быстро учится и может многому научить. Разумеется, того, кто хочет учиться.

Теперь подробнее.

В этой книге нет скучных биографий, только увлекательные истории из жизни моих друзей и подельников и, конечно, появившихся в шальные девяностые «братков», криминальных авторитетов, а также аферистов и мошенников всякого рода. Это был круг людей, в котором приходилось жить и трудиться.

Особое внимание уделено генералу Вилену Апакидзе, при помощи которого я достиг вершины карьеры спекулянта антиквариатом в СССР. Его «Правила поведения на допросе» должен знать каждый. Аналогов я не встречал. Как и его же

«Правила аппаратной борьбы».

В конце первой части вишенками на торте – истории о любви. Известно – жизнь куда причудливей вымысла, поэтому все мои истории, будучи правдивыми, призваны волновать воображение.

Читатель встретит в этой книге многих известных людей, с которыми сводила меня дорожка спекулянта: среди них Владимир Высоцкий, Майкл Джексон, последний американский посол в СССР Джек Мэтлок и другие.

Во второй части – некоторые мои публикации в журналах и на интернет-сайтах на профессиональную тематику. Обновленные. Я расскажу о выборе объектов инвестирования на арт-рынке, о секретах собирательства антикварных книг, о распознавании подделок произведений искусства и о многом другом, что может знать только человек, который всю жизнь покупает и продает, а это вам не рафинированные и оторванные от жизни и денег советы патентованных искусствоведов.

В завершение – потрясающая тайна А. С. Грибоедова, которую открыли мы с генералом Апакидзе благодаря его доступу к закрытым и секретным спецархивам. Уверен, эта сенсация не оставит никого равнодушным.

Может, это и нескромно, но я не сомневаюсь, что читающей публике будет любопытно ознакомиться с историями из жизни рядового спекулянта антиквариатом.

Тест на читабельность

Время – деньги, как давно известно. В современном мире время стало дороже денег. Потому привычно вошли в нашу жизнь всякого рода тесты. Чтобы чтение этой книги кому-то не показалось попусту потраченным временем, предлагаю тест на читабельность.

Тест включает две истории: одна из первой части и другая соответственно из второй. Прочтите, это не займет много времени, зато потом сможете с полным основанием решить – читать или не читать остальное.

Надеюсь на благосклонность и снисходительность читателя.

Гена Аверин

Красные доллары

Об этой истории говорила вся Москва в середине шестидесятых.

Геннадий Аверин, одиннадцатикратный чемпион СССР по настольному теннису в разных разрядах, член сборной СССР, собирался отправиться на соревнования в Западную Европу.

В те далекие времена поездка за границу давала возможность спортсменам очень прилично заработать. Ради зарубежной поездки спортсмены нередко вступали в жесточайшее соперничество не только на спортивных площадках, но это отдельная тема.

Везли из-за границы все, что можно было привезти. СССР был страной тотального дефицита. Например, стоимость цейсовского профессионального фотоаппарата могла составить несколько тысяч рублей. Пластинка (виниловый диск) с модной музыкой стоила сто – сто двадцать рублей, что равнялось месячной зарплате рядового советского инженера. Денег в валюте спортсменам выдавали на самые необходимые нужды, то есть гроши. Они, конечно, везли с собой за рубеж колбасу и консервы, чтобы не тратить драгоценную валюту,

но... особо смелые (а таких среди спортсменов, понятное дело, всегда большинство) были готовы приобрести валюту даже под страхом жесточайшего наказания.

Статья 88 Уголовного кодекса РСФСР 1960 года (на языке валютчиков – «бабочка») «Нарушение правил о валютных операциях» предусматривала уголовное наказание за операции с иностранной валютой. Осуждение по статье 88 предполагало, в зависимости от состава преступления, лишение свободы на срок от трех до пятнадцати лет, конфискацию имущества, ссылку на срок до пяти лет и даже смертную казнь.

Мой добрейший товарищ Геша впервые в жизни решил купить валюту. Друзей-советчиков вокруг было достаточно, а Гена по чистоте душевной и не подозревал, что некоторые из этих «друзей» честно трудятся по совместительству провокаторами КГБ. Методы работы КГБ давно известны: спровоцировать преступление, чтобы его же и раскрыть под фанфары, получив преференции за отличную работу.

Нашелся и у наивного Геши «друг», который уговорил его встать на путь «операций с валютой». Вручил Гене телефон человека, который занимается продажей заграничных денег. Какие будут, те и продаст, выбирать не приходится, а там – на Западе – поменять можно открыто и легально на валюту страны пребывания. Гена позвонил, договорились по телефону эзоповым языком о месте встречи.

Встреча произошла в «трубе» – длинном подземном пе-

реходе от «Националя» к Музею Ленина. Поздно вечером. Валютчик, известный в определенных кругах как «Витька из трубы», предложил Гене новенькие хрустящие доллары. Свежие, еще не остывшие от «фирмача», которого только что «отбомбили» на Красной площади.

Маленькое отступление: самым дерзким валютчиком, о котором я только слышал, был человек по фамилии Рабинович. Именно дерзким. Он сел в автобус с интуристами в московском аэропорту и на прекрасном английском языке представлялся работником Министерства иностранных дел, который официально делегирован партией и правительством менять валюту на советские рубли.

А в любом автобусе с интуристами, кроме переводчика – скрытого кагэбэшника, всегда находились и явные работники КГБ. Этим проницательным, специально обученным доблестным сотрудникам органов в голову не могло прийти, что преступник может так нагло и дерзко работать в их присутствии. А Рабинович за время следования автобуса к отелю в центре Москвы спокойно и не торопясь менял иностранцам валюту. Доллары США, например, он менял по шестьдесят копеек за доллар – официальный курс. Продать их можно было легко по три рубля.

Рабинович работал так больше года, сколотив сказочный капитал, но не смог вовремя остановиться (обычная история) и сел по «бабочке» на восемь лет. Многие журналисты тогда писали, что кагэбэшники в автобусе прекрасно по-

нимали, кто такой этот Рабинович, но не хотели устраивать скандал при иностранцах. Это было попыткой «сохранить лицо» якобы всезнающей конторе, смертельно запугавшей всю страну.

После развала СССР Рабинович оказался в США, недавно приезжал в Москву: старый, но такой же наглый и дерзкий. «Хуцпа» – врожденная черта. А горбатого исправит, как известно, только могила.

Вернемся в «трубу», где «Витька из трубы» предложил Гене купить доллары США. Гена раньше никогда в глаза доллары не видел, но слышал, что они вроде должны быть зеленого цвета. А тут ему предлагают купить... красные доллары. Двадцатидолларовые купюры красного цвета!

Гена смутился:

– А разве доллары красного цвета? Вроде я читал, что они зеленые.

– Зеленые доллары идут только в Америке. Но ты же в Европу собрался? А в Европе идут только красные. Ты что, не знал? Зеленые в Европе на хрен никому не сдались. Короче, будешь брат?

Витька презрительно посмотрел на Гену, и тут... с жуткими криками их «замели» внезапно подскочившие менты. С поличным – в момент покупки/продажи валюты. Вот только какой валюты – не очень понятно. Сегодня каждый житель нашей страны знает, как выглядят доллары, научили народ, а раньше где их мог увидеть советский человек? В своем

черно-белом телевизоре, наслаждаясь редким иностранным фильмом?

Понятно, что ментам, к их огромному сожалению, не удалось пришить Гене «бабочку» – 88-ю статью УК, он же фактически не покушал доллары. А за покупку красных фантиков статьи не было. Однако в нашей благословенной России всегда наказывали не только за факт преступления, но и за «намерение» его совершить. А Геша совершил преступную попытку купить настоящие доллары.

В Союзе спортивных обществ и организаций СССР прошло открытое партийное собрание, посвященное поступку Геннадия Аверина. Поступку, не совместимому с высоким званием советского спортсмена. И Гена был осужден товарищами, заклеямен и с позором изгнан из славного сообщества советских спортсменов. Аверин был лишен всех заслуг, званий, чинов, орденов и всего, чего только можно лишить человека. Предыдущие заслуги, верность идеалам коммунизма, молодость и наивность не были учтены. Как, разумеется, не учли и провокативные действия сотрудников органов. Гешу выбросили на помойку советского спорта и жизни.

Время было такое: напряженно строили коммунизм и надо было избавляться от нежелательных элементов. Одни сочувствовали Гене, другие с издевкой интересовались, почему идут сегодня красные доллары, третьи вспоминали о Стрельцове. Великого Эдуарда Стрельцова – по мнению многих экспертов, лучшего футболиста в истории России – вообще

посадили по недоказанному обвинению в изнасиловании.

В ста процентах таких случаев спортсмену никогда не удалось вернуться в большой спорт. Потому случай с Геной уникален. Он совершил немыслимый для любого времени поступок.

Через пару-тройку недель после эпохального партсобранин, на котором Гену убили как спортсмена, он явился в приемную к самому председателю Спорткомитета и попросил принять его по чрезвычайно важному вопросу. Любопытствующий председатель принял Гену, который молча положил перед начальником письмо, написанное дрожащим почерком.

В письме Гена писал, что осознал свой поступок, раскался, а так как жить без спорта и товарищей не может, то решил... покончить с собой. Это прощальное письмо после смерти Гены должно убедить товарищей в его полном раскаянии, а Гена идет бросаться с десятого этажа головой вниз. Гена писал, что так он быстро и эффективно умрет, напоследок изведав прекрасное чувство свободного полета. Письмо заканчивалось просьбой простить его хотя бы после смерти и вернуть ему посмертно награды и звания.

Осталось неизвестным, было ли это письмо искренним, хотя сам Гена всегда настаивал, что писал честно и иногда подумывал реально покончить с собой: молодость – задор!

Россия – великая православная страна, всегда была и оставалась такой даже в самые коммунистические годы,

несмотря на воинствующий атеизм руководства. Преступник раскаялся и сумел убедить в этом своих судей. А повинную голову меч не сечет. Случилось невероятное: Гену простили, вернули все звания и ордена и потом не раз посылали за рубеж защищать честь нашей бескрайней советской Родины. Кстати, Гена никогда более не подводил свой родной Спорткомитет.

Gloria mundi

Случай, о котором я хочу рассказать, произошел в конце семидесятых.

Гена с друзьями отправился на отдых. Карьеру спортсмена он уже давно закончил и имел право отдохнуть. Отправились они в место, куда могли попасть только избранные, – в Болгарию, на курорт «Златни пясъци», где отдыхали даже представители стран Западной Европы. Из СССР туда могли попасть только проверенные и верные стране люди. С Геной на отдых в Болгарию отправились: Леша С. (синхронный переводчик) и Саша Л. (спортивный функционер). Фамилии их опускаю.

Леша был заводилой, безоговорочно признанным лидером всех тусовок, тамадой всех собраний и модератором всех компаний. И только он из всех троих владел английским.

Через несколько дней, проснувшись поутру, друзья обна-

ружили, что все деньги успешно пропиты и «прогуляны». Оставались жалкие двадцать марок ФРГ. Энергичный Леша возглавил, как обычно, экспедицию за добычей средств, а главным действующим лицом был назначен Геша Аверин. Друзья пришли на пляж, где недалеко от моря, под навесом, они давно заприметили столы для настольного тенниса. Там сражались отдыхающие из многих европейских стран. Леша вежливо поинтересовался, кто сейчас чемпион пляжа, и ему указали на молодого атлета из ФРГ. Леша подошел к нему, познакомились, разговорились, и Леша, ткнув пальцем в Гешу, унылого и худого, сказал:

– Извините за предложение, но этот мой русский друг, несмотря на глубокое похмелье, предлагает вам сыграть с ним партию со ставкой двадцать марок.

Немец, глянув на Гену, еле стоящего на ногах, согласился, не представляя, какие неожиданности его ждут в недалеком будущем. Геша играл в стиле «пьяный мастер», но каким-то непостижимым образом умудрился проиграть партию только в финале, на «больше-меньше». Леша вручил немцу двадцать марок и жалобно попросил реванша. На сорок марок. Сыграли, Геша с огромным трудом выиграл эту партию, и тоже на «больше-меньше». Немец заплатил.

Неистошимый Леша с чрезвычайно смущенным видом вновь подошел к немцу:

– Простите, мне очень неудобно переводить вам, что предлагает мой друг. Отнеситесь снисходительно к его со-

стоянию: он с тяжелого похмелья и, по-моему, не совсем понимает, что говорит. Но вы знаете нас, русских, мы, когда выпьем, то....

– Давайте короче, что он хочет? – немец включился.

– Он предлагает сыграть на сто марок и дает вам фору девятнадцать очков.

Немец остолбенел:

– Но у нас же с ним примерно одинаковый уровень, мы играем на равных, как он может предлагать девятнадцать очков форы при игре до двадцати одного?

– Я же говорю вам, – смущенно залепетал Леша. – Пьяный дурак, я пытался ему объяснить, но вы же знаете нас, русских, особенно когда мы выпьем...

Немец остановил Лешино лепетание и взял ракетку. Геша, разумеется, выиграл. Но это был еще не конец представления. Леша опять подскочил к обескураженному немцу, не давая времени ему прозреть, и, еще сильнее тушуясь, буквально заныл:

– Мне ужасно неудобно предлагать вам то, что просил передать мой друг. Пьяная свинья, дурак, просто сумасшедший, но я вынужден ему подчиниться... Он предлагает нечто ужасное, нечто невероятное, нечто...

– Да говорите наконец, в чем дело, – не выдержал немец.

– Он предлагает сыграть партию опять на сто марок, но он будет играть, стоя на коленях, а вместо ракетки возьмет советский паспорт...

– Только чтобы посмотреть на этот дурацкий русский аттракцион, я, пожалуй, соглашусь, – ответил немец, и игра началась.

Вскоре у стола собрался весь пляж, весь отель, все «Златни пясъци» и, возможно, пол-Болгарии. Разница в классе между чемпионом пляжа и одиннадцатикратным чемпионом СССР слишком велика, чтобы у немца оставался хоть один шанс даже при таком формате игры.

Но после того, как немец рассчитался и друзья собрались стремительно валить, пока лох не очнулся, случилось совершенно непредвиденное... Кто-то из публики узнал героя и завопил:

– Это же Геннадий Аверин, сам Аверин, русский чемпион!

Поздно было бежать, да, собственно, и некуда, «постановка» была разоблачена. Случился чудовищный провал. К Леше потянулись руки, много рук... Но... что это в руках... деньги?

– А можно мне сыграть с Авериным? И я хочу! И я!

Теперь пришла Лешина очередь открыть рот от удивления: оказывается, не надо было всех этих ухищрений, всей этой разводки, всего этого театра. Надо было просто объявить, что русский чемпион Геннадий Аверин готов сыграть со всеми желающими, скажем, за двадцать марок.

Мгновенная реакция на текущие события была Лешиной сильной стороной всегда. Вскоре выстроилась очередь жела-

ющих сыграть с великим чемпионом всего за двадцать марок.

Я бы тоже легко и с радостью заплатил, скажем, сотню долларов за один гейм с Федерером (разумеется, при своей подаче) и прекрасно понимаю этих людей.

Увы, слишком быстро *transit gloria mundi*. Прощай и прости, добрый человек Геннадий Аверин – легенда советского спорта.

Справка

Геннадий Александрович Аверин (1942–2019) – выпускник факультета экономической географии МГУ им. М. В. Ломоносова. Серебряный призер чемпионата Европы по настольному теннису (1966), одиннадцатикратный чемпион СССР в разных разрядах (1960–1966). Заслуженный тренер СССР и России.

В шестнадцать лет Геннадий Аверин стал чемпионом СССР по настольному теннису, обыграв всех именитых соперников. В 1961 году сборная СССР впервые принимала участие в чемпионате мира, и девятнадцатилетний Гена показал отличный результат. Он провел семнадцать встреч и выиграл одиннадцать, в том числе у великого шведа Ханса Альсера. (Ханс Альсер был трижды чемпионом Европы и дважды чемпионом мира. Погиб в 1977 году в возрасте тридцати четырех лет в авиакатастрофе.)

В 1962 году Геннадий стал абсолютным чемпионом СССР (то есть во всех разрядах). Завершив спортивную карьеру, работал старшим тренером сборной СССР, и под его руководством в 1976 году А. Строкатов стал серебряным призером чемпионата Европы в мужском одиночном разряде, а команда взяла бронзу.

С Аверина началась эпоха атакующего стиля в советском настольном теннисе. В то время все ведущие теннисисты играли в защитном стиле. Это была игра на износ – кто кого «перепилит»! Зрители просто уставали смотреть такую «терку», которая вгоняла в сон. Самый долгий розыгрыш одного очка был зафиксирован 14 марта 1936 года на чемпионате мира в Праге – спортсмены безошибочно перебивали мяч через сетку 1 час 58 минут!

Но и в шестидесятые годы нередко бывали случаи на чемпионатах мира и Европы, когда время розыгрыша одного очка превышало полчаса. Такие игроки, как Гена Аверин, создали современный атакующий стиль настольного тенниса.

Реальная история похищения Джоконды

В 1911 году из Лувра была похищена картина Леонардо да Винчи «Портрет госпожи Лизы дель Джокондо», одно из самых известных произведений живописи в мире.

Вся полиция Франции была поднята на ноги. Был закрыт для обыска Лувр, блокированы дороги и границы страны, но все напрасно. Администрация Лувра была с позором уволена.

Кража картины стала первой по-настоящему всемирной сенсацией. Первой в истории человечества сенсацией, о которой написали практически все газеты нашей планеты.

«Петит паризьен» печатала репродукцию «Моны Лизы» на первой странице целый месяц. Только гибель «Титаника» в апреле 1912 года вытеснила кражу «Джоконды» с первых полос газет всего мира.

(Любопытно, как изменился уровень мировых сенсаций за последние сто лет: от похищения «Джоконды» и гибели «Титаника» до... впрочем, откройте «Яндекс» и сами посмотрите.)

А через два года, в 1913-м, случилось удивительное событие. Некто Винченцо Перуджа предложил флорентийскому антиквару Альфредо Гери купить «Джоконду» да Винчи за пятьсот тысяч лир (сто тысяч долларов).

Гери согласился, они встретились, и когда антиквар убедился, что картина подлинная, то... вызвал полицию. Оказалось, что Перуджа – тот самый плотник и стекольщик, бедный итальянский «гастарбайтер», что работал в Лувре над стеклянным футляром для «Джоконды».

В один прекрасный день 1911 года он снял со стены картину, завернул ее в свою куртку и унес.

После ареста Перуджа заявил (по подсказке ловкого адвоката), что совершил кражу с целью возврата шедевра на его историческую родину – в Италию!

Суд Флоренции прослезился от патриотизма преступника и дал ему всего один год.

«Патриотизм – последнее прибежище негодяя», – любил говаривать Самуэль Джонсон. Полагаю, что широкое понятие «негодяй» включает в себя и такое понятие, как «вор»... нет, это я не о патриотах-чиновниках нашей необъятной Родины, я тут пишу о Перудже, который оказался не только вором, но и глупцом. А как еще назвать человека, притащившего продавать краденую картину, разыскиваемую всем миром, незнакомому антиквару?

«Джоконду», разумеется, вернули Франции.

Началась Первая мировая война, и Перуджа, как патентованный итальянский патриот, был вынужден отправиться на фронт. Однако после войны, что несколько нелогично для истинного патриота, вернулся во Францию, где и жил до самой своей смерти в 1947 году.

А теперь самое интересное. Эту потрясающую историю поведал миру американский журналист Карл Дреккер (да, вот такая смешная фамилия, но это же реальная история) в «Сэтеди ивнинг пост» в 1932 году.

В Касабланке в 1914 году журналист познакомился с аргентинским авантюристом, который называл себя маркизом Эдуардо де Вальфьерно. Скорее всего, это было не настоящее его имя. Маркиз (будем далее его так называть для краткости) боялся унести с собой в могилу истинную историю похищения «Джоконды» и потому поведал ее представителю желтой прессы. При этом взял слово с Дреккера, что тот опубликует эту историю только после смерти Маркиза.

Дреккер, как настоящий работник СМИ, слово свое сдержал. Наконец, узнав о смерти Маркиза, через восемнадцать лет после их встречи, уста журналиста разверзлись.

Итак, сенсационная история похищения «Джоконды» по версии Маркиза в изложении Карла Дреккера.

Случайно (скорее всего, нет) познакомившись со стеклянщиком Перуджей, Маркиз узнал, что итальянец имеет свободный доступ к «Джоконде». У авантюриста мгновенно родился план похищения. Склонить глупого и жадного Перуджу к содействию не составило труда.

Задолго до кражи Маркиз стал искать покупателей, готовых приобрести заведомо краденую картину. И нашел шестерых (как минимум, но об этом ниже) коллекционеров, естественно, американцев, которые с готовностью согласи-

лись приобрести ворованный шедевр.

С каждым из шести потенциальных покупателей Маркиз тайно приходил в зал Лувра, где висела картина, когда не было посетителей. Эти посещения организовывал Перуджа.

Важная деталь – «Джоконда» написана на тонкой тополиной доске и вставлена в раму, сзади натянутую холстом.

Маркиз любезно отворачивался, и каждый потенциальный покупатель делал свои тайные пометки на этом холсте-заднике. Само собой, после каждого посетителя холст заменялся новым.

Какие тайные пометки можно сделать на холсте, остается неизвестным, но для покупателей это, по-видимому, было гарантией, что они смогут впоследствии идентифицировать картину.

Когда картина была похищена, все шесть коллекционеров (опять же как минимум) приобрели подделки, которые заблаговременно изготовил сообщник Маркиза художник Ив Шодрон, всю жизнь промышлявший подделками.

Теперь объясню, почему шесть коллекционеров – это минимум.

Следствие по делу о похищении «Джоконды» установило только одного сообщника Маркиза – вышеупомянутого художника Шодрона, который признался в изготовлении шести копий с картины Леонардо. А что могло помешать Маркизу привлечь в сообщники еще художников, которые так и остались неизвестными?

На заднике рамы каждой из подделок был натянут именно тот холст, который обладал «тайными знаками» конкретного покупателя.

Каждый из покупателей, разумеется, считал себя единственным счастливым обладателем шедевра Леонардо.

Попробуйте в виде упражнения для ума придумать свой «тайный знак» на холсте, который мог бы служить неоспоримым доказательством подлинности картины.

Незадачливый Перуджа два года хранил шедевр под матрасом своей кровати и каждую ночь, засыпая на нем (на тонкой тополиной доске под подушкой), видел во сне Маркиза с обещанным вознаграждением.

Но Маркиз так и не пришел. То ли он боялся, что за каждым работником Лувра ведется слежка, то ли не хотел связываться с идиотом, то ли предпочел поскорее отправиться в США, где его ждали клиенты, деньги и, конечно, уже заблаговременно отправленные туда подделки «Джоконды».

Неудивительно, что до сих пор находятся люди, которые сомневаются в том, что в Лувр вернулся подлинник, а не копия «Джоконды».

Часть 1

Хроники

Глава 1

Прямая советская дорога

В 1971 году я окончил институт и меня распределили на работу в трест с чудовищным названием Главэнергострой-механизация. Вернее, в его филиал на Домодедовском заводе металлоконструкций. В первый же день моего выхода на работу меня, как молодого специалиста, с радостью направили собирать картошку в подмосковный колхоз. Обычное явление для того времени. Волей судьбы я попал в село Ловецкие Борки. Небольшое село в Луховицком районе Московской области. Смена мне так и не пришла. Забыли меня там, что тоже можно понять. Пришлось мне трудиться до белых мух, а вернее, до получения справки от директора колхоза. Справки о том, что я все это время работал в колхозе. А без справки нельзя – будешь прогульщиком и тунеядцем.

Евреи и кровь

За долгое время работы в этом колхозе я познакомился

со всеми немногими жителями села. Помню, что все они, включая женщин и детей, двух слов без мата не могли сказать. Подружился с бабкой, к которой меня определили на постой. Она брала только парней, поскольку раньше предпочитала девушек, но однажды при чистке туалета был обнаружен плод – результат выкидыша.

Бабка, Анна Павловна Бурина, работала лет сорок дояркой, заработала скрюченные пальцы, а теперь получала тридцать копеек в день за постояльца. Нас было человек десять, спали на полу, на матрасах. Когда я остался один, я каждый вечер выслушивал от бабки удивительные истории из ее жизни. Кто я по национальности, она спросила вместо «здрасьте» еще в момент нашего знакомства, потому и рассказывала про евреев с особым удовольствием.

Запомнилась такая история.

Военные годы. Муж погиб на фронте, она с дочкой в состоянии крайнего истощения от голода. Вдруг подъезжает к ее дому, а он самый крайний в деревне, брочка. Заходит в дом пузатый еврей, черный весь и лапсердак черный.

– А давай, – говорит, – баба, меняться. Я тебе мешок муки, а ты мне стакан крови своей православной.

А она от голода почти мертвая. Согласилась, деваться некуда. Ну еврей этот взял ее руку, чирк по ней ножичком и струйку крови в стакан направил. Как стакан наполнился, то еврей его тут же залпом и выпил. Мешок муки отдал, не обманул. Правда, мешок небольшой был, но выжить помог.

Я молодой был, смеялся и спрашивал бабу, какой же дурак отдаст мешок муки за стакан ее лживой крови, но она не обижалась, стояла на своем. Грозила, что пойдет в соседнее Дединово к знаменитой колдунье и та приворожит меня: останусь жить с бабушкой как с женой. Бабушке было под шестьдесят, мне чуть за двадцать. Позже я много таких людей встречал: сначала врут, а потом сами в свои фантазии верят, причем верят искренне. Псевдоперсеверация.

Ленин и броневик

Когда картошку всю убрали, меня отправили красить коровники, а потом промывать трубы в этих коровниках, по которым текло молоко. Коров готовились переводить с летних пастбищ на зимовку в коровники. Там я и познакомился с этим мужиком – моим бригадиром. Он был довольно пожилым человеком, а его бригада состояла только из меня и его сына. Наверное, поэтому я и услышал эту историю. В обеденный перерыв, у костра. От старика, старожила тех мест, имени которого уж не припомню.

Общеизвестно, что в апреле 1917 года В. Ленин прибыл в Петроград из Швейцарии на поезде. Вся наша страна изучала апрельские тезисы, которые Ленин в сокращенном варианте якобы прочел на крыше броневика перед тысячами встречавших его революционных солдат и матросов. Так вот, этот мой старик из Ловецких Борков был водителем того са-

мого броневика. Его рассказ о том, как реально встречали Ленина в апреле 1917-го, был насыщен деталями и показался мне очень достоверным.

Итак: «Поехали мы встречать Ленина: я за рулем броневика и два матроса, которые сели рядом. На улице холодно очень было, а в броневике тепло от двигателя. Мы трое и были единственными, кто встречал Ленина. Какие толпы встречающих? Говорю – только мы втроем. Прибыл поезд. Побежали люди с ридикулями. Я спрашиваю у матросов:

– А хрен ли с ридикулями? – В моем понимании с ридикулями только буржуи ходили.

– Подожди, – говорят мне. – Не дергайся.

Потом появился человек с узелком. В узелке, наверно, смена белья. В ботинках у него, помню, вместо шнурков веревочки были. В грязном пальто. Простуженный весь, голоса совсем нет. Еле шептал. Я Ленина совсем другим себе представлял: ростом повыше и статью пошире. Однако в броневике свободного места для Ленина не нашлось, туда эти два матроса опять сели. Пришлось Ленину на крышу лезть. Так и везли его всю дорогу на крыше. Больного, простуженного везли на крыше, на холоде, а встречающие сидели в теплом нутре броневика. Правда, велели ехать медленно, чтобы Ильич не свалился с ледяной крыши. Мне пришлось потом двигатель перебирать – он перегрелся, пока мы на первой скорости тащились».

Я уверен, что старик рассказывал правду. Полагаю, что

биографии всех или почти всех политических деятелей как недавнего прошлого, так и настоящего времени – фальсифицированы. Не был никогда Хрущев свинопасом, как не был Горбачев комбайнером. Сфальсифицированы также... биографии всех наших богатеев. Все, что написано в биографиях наших олигархов о периоде первоначального накопления их капитала тоже оголтелое вранье! О кооперативах, которые они первыми в стране организовывали, о компаниях, которые создавали, – все ложь и обман.

Лумумба и капризы провидения

Начало семидесятых. Домодедовский завод металлоконструкций. Лаборатория сварки и пайки. Я работаю там по распределению. Молодой специалист. Есть некая притягательность в юнцах. Некоторым зрелым дядям так нужны свежие уши и молчаливое восторженное внимание. Парторг нашей лаборатории Анатолий Зеленчуков как-то немного подвыпил и поведал мне эту историю. Ничего не меняю, даже фамилию парторга.

В 1960 году Толя Зеленчуков работал освобожденным парторгом на большом промысловом судне. Рефрижераторе. Экипаж под сотню коек, работы по горло. Получив в радиорубке указания из Москвы, парторг должен был доводить до людей все решения партии и правительства СССР, проводить политинформации, поддерживать в экипаже мораль-

ный дух советского... и пр.

Однажды на судне случилась настоящая катастрофа. Сломался рефрижератор – холодильник, который держал в трюмах низкую температуру. Сломался капитально, починить нельзя. А на судне сотни тонн мороженой рыбы и прочей рыбной продукции. Что делать?

Все происходит у западных берегов Африки. Капитан радирует в Москву. Просит указаний. Вся рыба за борт? А это месяцы тяжелого труда и ущерб для экономики страны. Непатриотично. Москва, посоветовавшись, приказывает подойти к берегу Республики Конго и попытаться продать рыбу. Хоть как-то компенсировать потери. Почему именно Конго?

Тогда там было просоветское руководство. Во главе с Патрисом Лумумбой, получившим на первых в стране выборах в 1960 году большинство. Лумумба стал премьер-министром. Моиз Чомбе, прозападный лидер провинции Катанга, где были сосредоточены основные месторождения полезных ископаемых и значительное белое население, в ответ провозгласил независимость, образовав Государство Катанга, в которой он стал президентом. Москва прислала для борьбы с «марионеточным режимом Чомбе» десять военно-транспортных самолетов, один из которых, по официальной версии, являлся личным подарком Хрущева Лумумбе.

Так вот. Подходит наш сейнер-рефрижератор к берегу

Конго, швартуется. Высаживается на берег проверенный советский патриот, говорящий худо-бедно по-английски. С сопровождающими. В их числе наш друг парторг Толя Зеленчуков. На берегу стоит и курит первый попавшийся случайный негр, который, оказывается, тоже как-то изъясняется на английском. Узнав о проблеме, он с радостью соглашается помочь братьям-коммунистам из СССР. Договариваются о цене, ясно, что у наших особенного выбора не было, но вскоре к советскому судну начали прибывать грузовики-рефрижераторы. Толя с сотоварищи были потрясены оперативностью случайного негра. Забрав все сотни тонн мороженой рыбы, этот первый встречный честно расплатился. Наличными. Все. Конец истории?

А вот и нет, далее Толя поведал мне, что этот чертов негр на заработанные от этой операции деньги снарядил бандформирование, которое устроило антироссийский госпереворот в Конго. Лумумбу убили. Его именем назвали институт в Москве. А Толю с товарищами-коммунистами выгнали из флота, списали, наказали и пр. Назначили стрелочниками, обычная история. Потому он и прозябает на этом заводе в Домодедово.

А вот какие версии убийства Лумумбы можно найти в открытых СМИ.

Первая версия: документальный фильм «Убийство в колониальном стиле» (режиссер Томас Гифер) 2000 года расследует события тех дней на основе интервью со многими

бывшими сотрудниками и офицерами ЦРУ и бельгийской службы безопасности. В интервью многие из них впервые признались в том, что лично участвовали в убийстве и последующем устранении останков Лумумбы и его соратников 17 января 1961 года.

Вторая версия: «Также было установлено, что бельгийское правительство оказывало транспортную, финансовую и военную помощь силам, враждебно относившимся к Лумумбе. Большая часть вины была приписана непосредственно королю Бодуэну, который, предположительно, в обход политических институтов страны проводил свою собственную колониальную политику».

Третья: в 1960 году президент США Дуайт Эйзенхауэр одобрил рекомендации ЦРУ ликвидировать Лумумбу, в дальнейшем специалистами ЦРУ были разработаны варианты убийства Лумумбы из огнестрельного оружия и с помощью яда, в итоге был утвержден план операции «Голубая стрела».

Четвертая: «В марте 2013 года британская газета Telegraph со ссылкой на лорда Дэвида Эдварда Ли сообщила, что сотрудница британской разведки Ми-6 баронесса Дафна Парк, с 1959 по 1961 год бывшая консулом и первым секретарем в Леопольдвиле, незадолго до ее смерти в 2010 году призналась в организации убийства Патриса Лумумбы в 1961 году. Причиной ликвидации Лумумбы стали его пан-африканский национализм, левые симпатии и просоветские

настроения».

Наконец, пятая версия: «Пятнадцатого февраля 1961 года на пресс-конференции в Элизабетвиле прямое обвинение в убийстве Лумумбы прозвучало в адрес ближайшего соратника Моиза Чомбе Годфруа Мунонго, руководителя силовых структур Катанги».

Итак: бельгийский король и его спецслужбы, американский президент и ЦРУ, британская Ми-6 и Чомбе – все наперебой берут на себя ответственность за убийство бедного Лумумбы. Непонятно только, каким чудом ему удалось так долго продержаться живым.

И ведь все врут. Каждый хочет приписать себе лавры от удачного переворота. Задним числом. А Толя Зеленчуков поведал мне, что волей судьбы он с товарищами косвенно оказался виновником гибели бедного Лумумбы в результате поломки рефрижератора и продажи советской рыбы.

«Жертвами войны в Конго стали 5,4 миллиона человек. На протяжении более 30 лет с 1965 года Заиром (так в эти годы называлась ДРК) правил президент с диктаторскими полномочиями маршал Сесе Секо Мобуту. Несмотря на подписанный в июле 2002 года мирный договор, обстановка в ДРК на протяжении многих лет продолжает оставаться напряженной».

Но я вижу в этой истории иной смысл. Как Создатель лаконично, просто и не без юмора руководит своим проектом, то есть человеческой цивилизацией. Сломался рефрижера-

тор – и уже почти шестьдесят лет идет война. Миллионы убитых. Воистину неисповедимы ЕГО пути...

Фима Гершгорин и Абдурахман Авторханов

Место работы молодого специалиста по распределению – это воля случая. Полтора года, до поступления в аспирантуру, я был вынужден отправляться в город Домодедово на электричке в 6:53 утра с Павелецкого вокзала. Чтобы в 8:00 быть на рабочем месте в моей лаборатории пайки. Зато частенько после трудового дня, прибыв на Павелецкий вокзал Москвы, я мог посетить своего отца, который работал рядом на Вальной.

Отец мой четверть века после войны проработал директором книжного магазина, а уйдя на пенсию, продолжал трудиться букинистом буквально до самой смерти в 1981-м. Там, у отца, я познакомился с Фимой Гершгориним. Фима коррумпировал моего папашу, покупая у него дефицитные книги по завышенной цене. Букинист не имел права оценивать книгу, которую ему сдавали, выше цены, написанной на задней крышке этой книги. Тогда букинистическими книгами считались все послевоенные книги и на всех стояла цена. Разумеется, при оценке учитывались денежные реформы 48-го и 61-го годов и внешнее состояние книги.

Предприимчивый Фима продавал иную дефицитную кни-

гу намного выше ее номинальной цены. Например, книги из «Библиотеки поэта»: Ахматовой, Пастернака, Цветаевой и Мандельштама – стоили у спекулянтов рублей по сто – месячная зарплата инженера. А номинал таких книг был рубля три. Понятно, что спекулянты очень рисковали. Попадешься – тюрьма с конфискацией имущества, но кого и когда это останавливало.

Я умолял своего папашу отдавать мне, а не Фиме дефицитные книги, но в ответ неизменно слышал:

– Ты дурак, и тебя посадят.

Отец заботился обо мне и боялся за меня, что понятно. А за Фиму он не очень беспокоился. Фима был постарше меня – маленький худой живчик с вечной улыбочкой на лице. Работал в каком-то секретном «ящике». Справедливо видя во мне конкурента, Фима решил подружиться со мной – завоевать мое расположение. Однажды он предложил мне, как якобы очень близкому и доверенному человеку, познакомиться с антисоветской литературой. Почитать.

«Статья 70. Антисоветская агитация и пропаганда. Агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы такого же содержания – наказывается ли-

шением свободы на срок от шести месяцев до семи лет или ссылкой на срок от двух до пяти лет».

Если бы мой папаша только знал, куда «поташил» меня Фима, он бы, наверное, его убил. Кто-то может предположить, что Фима был альтруистом и искренне заботился о просвещении советских людей. Отнюдь. Он давал читать запрещенную литературу за деньги – пятьдесят копеек в сутки. Заранее инструктировал, очень пугал – его послушать, так читать можно было только дома, да и то спрятавшись под кроватью. Я читал в метро и в электричке по дороге на работу и обратно. Книгу обертывал в бумагу, на которой крупно писал: «История КПСС».

Первой суперзапрещенной книгой, которую я прочел, была «Технология власти» А. Авторханова (1908–1997). Книга произвела на меня громадное впечатление – ничего подобного я никогда ранее даже не слышал. Технология прихода и удержания власти Сталиным. Благодаря этой книге я понял, что надо просто дать себе слово раз и навсегда, что будешь готов на все за власть, за продвижение по службе. Абсолютно на все. Предать любого, продать, хоть мать родную, хоть отца... И не надо, как в древности, пентакли рисовать, мессы задом наперед читать, дьявола вызывать, чтобы душу ему продать за деньги и власть. Просто даешь себе только один обет: за определенные преференции готов на все... Все просто. Некоторое время будешь быстро продвигаться по службе, а потом – как повезет. Но душу ты уже продал.

Я уже тогда хорошо понимал, что это не мой путь. Возможно, эта книга навсегда отбила у меня желание делать любого рода карьеру и сделала меня в дальнейшем сугубо антисоциальным элементом.

Согласно Авторханову, в СССР функционировала уникальная система, которую он называл «партократией». Система представляла собой идеально сконструированный и не имеющий аналогов в мировой истории инструмент личной власти диктатора. После смерти Сталина система, изменяясь в деталях, продолжала функционировать.

Советским Союзом в действительности правила не партия и даже не ее уставные органы (как ЦК или Политбюро), а личная администрация, назначенная диктатором. Формально эта администрация должна была выполнять лишь технические канцелярские функции. На самом деле она держала в своих руках управление страной. Администрация была поставлена над партией и над государством.

По мысли Авторханова, формирование нового типа тирании «тоталитарной партократии» стало возможно в результате использования особой технологии власти – «синтеза политики с уголовщиной». Диктатура закрытой партии («партолигархии», «коммунистической партократии» и т. д.), о чьей деятельности знал лишь ограниченный круг лиц, сумела установить по-своему уникальный «партийно-полицейский и тоталитарно-террористический» режим. По мнению Авторханова, этот режим превратил всех советских лю-

дей в собственность «монопартийного государства», которое нещадно эксплуатирует их. В более общем плане в условиях, когда «народ учат не думать», подлинно властвующая сила одна – «универсальный чекизм».

Сегодня власть в России у конкретных чекистов. Идеи Авторханова, как ни странно, вполне актуальны – все течет и ничто не меняется в нашей стране.

Вернемся к Фиме. Он давал читать мне Джиласа, Солженицына и другие антисоветские книги, пока не произошел случай, который нас развел навсегда.

Прихожу к Фиме как-то домой за новой книгой. Он спрашивает:

– А разве ты не брал уже эту книгу? Я второй раз одну и ту же книгу не даю – ты же берешь ее наверняка для кого-то другого, а это чревато провалом моего предприятия. Тебя я знаю и доверяю, а твои друзья могут оказаться сексотами и агентами КГБ. Сейчас я проверю, какие книги тебе давал, – с этими словами Фима достает картотеку, вынимает оттуда карточку с моей фамилией, смотрит на нее, и тут я... стремительно хватаю у него из рук эту карточку.

– Картотека? Да ты, Фима, не сам ли агент КГБ? Ты зачем компромат на людей собираешь и хранишь? Ты или сексот, или идиот, но в обоих случаях я тебя больше знать не желаю. Забудь про меня и имя мое забудь, а если меня по твоей милости пригласят на Лубянку, то я расскажу, как ты подготавливал меня убить всех членов Политбюро и штурмовать

Кремль.

Больше я Фиму никогда не видел, но я благодарен ему не только за знакомство с антисоветской литературой. Он познакомил меня с Аркадием Золотарем. Он стал моим другом и учителем на долгие годы – до самой его смерти. Золотарь, естественно, был библиофилом и книгочеем, при этом поэтом и доктором наук в области гидродинамики. Незауряднейшая личность – о нем можно отдельную книгу написать, но пока хочу рассказать о его маме.

Вековая бабушка

Пятнадцатого мая 2013 года исполнилось сто лет Марии Моисеевне Фирштейн.

Это первый и, боюсь, последний человек в моей жизни, которого я знаю лично, достигший столетнего возраста. Абсолютно уникальное явление. Вековая бабушка в прямом смысле. А кто из вас знает хоть одного столетнего лично?

Уверен, что это повод для краткого описания ее судьбы. Она сама и ее сын – мой друг Аркадий – часто рассказывали различные истории из ее жизни: обычные для того времени и невероятные для нашего. Что-то забылось, что-то осталось.

Родилась Мария в Житомире, в Украине, за чертой оседлости. В семнадцать лет поехала в Киев и там окончила уже забытый сегодня институт по специальности «Еврейский язык (идиш) и литература». (*Идиш: еврейский язык гер-*

манской группы, исторически основной язык ашкеназов, на котором в начале XX века говорило около одиннадцати миллионов евреев по всему миру.)

После института ее отправили в Днепропетровскую область преподавать в еврейской школе села Покровское. *(Осенью 1763 года Иван Сирко встретился на Муравском шляхе с большим отрядом татар, разгромил их, взяв многих в плен, после чего вернулся в Сечь. Эта битва произошла в районе Покровского в день Покрова Пресвятой Богородицы. В память об этой победе позднее слободу и назвали Покровской.)*

Тогда таких еврейских школ было много по всей Украине. Много было и еврейских колхозов. Познакомилась и вышла замуж за председателя еврейского колхоза в Покровском – Исаака Золотаря. Сохранила свою фамилию Фирштейн.

В 1933-м начался голодомор. Им повезло, в Покровском было голодно, но выжить было можно. Умудрялись даже отправлять родителям Марии в Житомир посылки с хлебом. Иногда, открыв посылку, родители Марии вместо хлеба находили кирпич.

В 1936-м у Марии с Исааком родился сын – Аркадий Исаакович Золотарь (с 1972 года мой хороший друг). Товарищ предупредил Исаака о готовящихся репрессиях. Исаак не стал долго раздумывать о своих заслугах перед Родиной и мучительно вспоминать, чем он мог провиниться перед родной советской властью, а переехал с семьей в город Днепро-

петровск. Были тогда и прозорливые люди.

В городе он нашел работу бухгалтера на каком-то заводе. В 1939-м Исаака призвали на финскую. Два или три месяца Мария ждала письма, но однажды утром на улице вместо письма встретила своего мужа, шедшего домой. Невредимо-го. «Как я бросилась к нему...» Исаак получил военную профессию – водитель танка, или просто – танкист.

В 1941 году Исаак пошел добровольцем на фронт. Ему было тридцать пять лет. «Прошел одну войну, пройду и другую с Божьей помощью». Пошел, конечно, танкистом. Их собрали на четвертом этаже школы. Мария с ребенком пошла его провожать.

– Папа, – крикнул ему пятилетний сын, – ты куда? Пошли домой!

Так они видели его в последний раз. Только два письма получила от него Мария. В последнем письме он подробно писал, как они попали в окружение, как застрелился его друг – не хотел попадать в плен к немцам. А они вышли. И вышли с оружием и документами, что было тогда очень важно. Писал, что формируют новое войсковое подразделение и ему дают танк. Танкист Исаак Золотарь не вернулся с войны, как и миллионы других солдат.

Тем временем Мария стала добровольцем работать в Днепропетровском военкомате: оформлять «эвакуационные листы». Но немцы очень быстро накатили. Однажды вбегает ее тесть Иосиф: «Ты что тут сидишь? Скорее! Надо переправ-

латься через Днепр! Немцы!»

Погрузились все на плот: Мария с сыном и родители мужа, Иосиф и Зельда. Плывут. Вокруг тоже плоты с людьми. Немцы бьют. Взрывы вокруг. Взрываются плоты. Летят куски людей. Им повезло – переправились. Там погрузились в кузов грузовика, людей уже немного было выживших. Едут и вдруг видят – сзади немецкие мотоциклы. Орут шоферу: «Гони!» Чудом проскочили. Едут, а вокруг горит пшеница, поля горят. Марии это запомнилось. В колхозе работала – к земле привязалась.

Родители Марии с двумя дочерьми – сестрами Марии – оставались в Житомире. Когда началась эвакуация, они прибыли на вокзал с младшей дочерью и попали под бомбежку. От ужаса происходящего семилетняя девочка тронулась умом. Решили вернуться назад в свой дом. Больной ребенок! Пришли немцы. Через какое-то время немцы велели всем евреям собраться с вещами, якобы для переселения в другое место. Пришли и родители Марии с дочкой. Всех отвели за город в поле и расстреляли.

Старшая сестра Марии еще до войны вышла замуж за работника Житомирского горкома. После прихода немцев он возглавил партизанский отряд, а его жена – сестра Марии – стала связной этого партизанского отряда. Немцы поймали ее, пытали и расстреляли. Все это Мария узнала много позже, после войны, когда приехала в Житомир и нашла свидетелей гибели своей семьи.

Полгода Мария с сыном и родителями Исаака добирались до Казахстана. Сначала попали в Астрахань. Поселили их в бывшей немецкой слободке. Местных немцев оттуда давно депортировали. Помнит, что дома были очень ухоженные, добротные, с садиками, уезжать не хотелось. Но погрузили их в вагоны и повезли дальше, в Казахстан.

Погрузили их, как я понял из ее описания, в крытые бункерные вагоны типа хоппер, с наскоро вырубленной узкой дверью для входа в вагон (*бункерный грузовой вагон для перевозки сыпучих грузов: угля, руды, цемента, зерна, балласта. Кузов имеет форму воронки, в нижней части расположены люки (по-английски – «хопперы»), через которые груз высыпается при разгрузке под действием силы тяжести, что способствует быстрой разгрузке. Груз выгружается в междурельсовое пространство, крышки разгрузочных люков открываются вручную*).

Эшелоны шли с долгими остановками несколько месяцев. От поезда далеко не отпускали. У Марии были два узелка с вещами. Она эти вещи меняла на еду. Когда началась дизентерия в вагоне, дед раздобыл какие-то доски и соорудил подобие укрытия вне вагона. Поскольку вагон имел форму перевернутой трапеции, то в торцах вагона можно было такое укрытие сделать. Это их и спасло. Там они жили, рискуя ежеминутно упасть на рельсы, под колеса.

Дед Иосиф взял с собой из дома две бутылки вина: «Вой-

на будет недолгая, а как победу праздновать без вина?» Это вино по каплям он добавлял в воду для питья внуку Аркаше. Только ему. Другим членам семьи не давал. В вагоне от дизентерии умерло много людей и абсолютно все дети. Из детей выжил только Аркадий.

Приехали наконец. Погрузили всех в грузовики и повезли. Привезли в поселок. Выделили дом для Марии с семьей. Практически без крыши, пол земляной. Усталые были невесело. Постелили все пожитки на пол и легли спать. Дед Иосиф вдруг стал просить пить. Жена ему отвечает, что устала очень, потерпи, дескать, до утра. Сил нет идти на улицу за чистым снегом, а потом растапливать его. Зельда не могла себе простить этого всю оставшуюся жизнь. «Лучше бы прямо ему в рот снега напихала». Ночью дед умер. Сообщили о его смерти представителю власти. Тот велел завернуть тело деда в простыни и отнести в означенное место. Так они и сделали. Но на следующий день нашли труп деда в арыке. Голым. Украла простынь и всю одежду. Каждая тряпка была на вес золота. Тогда сами вырыли могилу и похоронили его.

У Марии от голода опухли ноги. Не могла ходить. Целый месяц Зельда выхаживала ее. Кое-как встав на ноги, Мария пошла работать в школу. Преподавала она немецкий язык. *(Идиши – это язык, который возник на немецкой основе. До XIX века авторы, естественно, считали, что они пишут на немецком. Понятие идиша как языка возникло только в XIX веке. В этот период стали называть этот язык ашкеназ,*

иногда тойч или тайч.)

Грань между языком и диалектом – чисто политическая. Есть на эту тему замечательное выражение известного историка идиша Макса Вайнрайха: «Что такое язык? Язык – это диалект, у которого есть армия и флот». Поэтому мы говорим, что голландский язык – это другой язык, а не диалект немецкого. Поэтому мы говорим, что украинский и русский – это два разных языка, а не диалекты какого-нибудь славянского языка.

Работала Мария только за еду. Платили жмыхом. (*Жмых – макуха, колоб, дуранда, избоина, жмак – продукт, получаемый после отжима растительного масла на прессах различной конструкции из прошедших подготовку семян масличных культур: подсолнечника, рапса, льна и др. Обычно служит кормом для сельскохозяйственных животных как один из компонентов комбикормов.*) Там, в Казахстане, и нашла Марию похоронка. Муж ее Исаак Золотарь пропал без вести осенью 1941 года.

В 1945-м Зельде пришел вызов в Москву от ее дочери Клары, которая работала в Москве на очень высокой должности – заведующей Кировским роно (*районный отдел народного образования*). Кроме того, Клара Золотарь была автором НОТ (*научная организация труда*) в системе образования Советского Союза. Зельда написала дочери, что без Марии с внуком никуда не поедет. Клара выслала вызов им всем. Вызов украли. Тогда это был ценный документ, подде-

лав который можно было приехать в Москву. Без вызова в Москву пробраться было очень сложно. Клара выслала еще один вызов с курьером. Так они оказались в Москве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.